

Концепция «гибридных войн» в современной мировой политике

Столетов Олег Владимирович

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия

E-mail: Oleg-Stoletov1@yandex.ru

Вокруг понятия «гибридные войны» в современной международно-политической науке протекают весьма оживленные дискуссии. Одни исследователи считают, что в рамках данного концепта нашел свое определение качественно новый феномен мировой политики. Другие склонны считать, что гибридный характер войны в той или иной степени носили на протяжении всей истории международно-политических конфликтов. Нам представляется, что концепция «гибридных войн» представляет собой новое явление в политической науке. При этом проявления многомерности войн присутствовали и в предшествующих этапах эволюции международных отношений и мировой политики.

Согласно исследованиям американских военных теоретиков, авторству которых принадлежит концепция «гибридных войн», получившая развитие в 2000-е годы, гибридизация войны означает, что современные войны становятся более сложносоставным, комплексным феноменом [1]. Комбинированный характер «гибридных войн» проявляется в том, что классическое военное насилие в них сочетается с иррегулярными формами противостояния, в частности, террористической деятельностью, кибернетическими атаками преступных группировок, экономическими санкциями, информационными диверсиями. Отличительной особенностью «гибридных войн» является их затяжной характер [2]. «Гибридные войны» ведутся «симбиотическими субъектами» [3]. Наряду с негосударственными участниками, такие субъекты включают в себя государства, действующие в качестве спонсоров, оказывающих поддержку неправительственным акторам. Для ведения «гибридных войн» часто используются мобилизационные ресурсы различных типов идентичностей: племенных, этнических, религиозных [4]. Дополнительную финансовую подпитку участники «гибридных войн» получают за счет грабежей, контрабанды, поддержки со стороны диаспоральных групп, гуманитарной помощи. Преимущественно «гибридные войны» ведутся на региональном уровне и могут провоцировать вооруженные конфликты на территории зарубежных государств либо создавать предпосылки для их наступления в будущем [5].

Появление концепции «гибридных войн», с нашей точки зрения, вызвано дальнейшей глобализацией мировой политики. В рамках этого процесса, в частности, происходят транснационализация военных и политических конфликтов, гибридизации акторов мировой политики. Гибридные акторы представляют собой различного типа государственно-негосударственные партнерства. Это могут быть альянсы государства и бизнеса, НПО и государства, бизнеса и НПО, а также ряд других [6]. Дальнейшее размывание государственного суверенитета, все более активное участие частных военных компаний, а также иррегулярных полувоенных и террористических формирований в военных действиях способствует дальнейшей приватизации насилия в мировой политике. В рамках этого процесса границы войны и мира в международно-политической системе становятся все менее четкими.

Использование концепции «гибридных войн» в международно-политическом дискурсе США позволяет разработчикам американской стратегии в мире XXI века в рамках информационного противостояния решать сразу несколько задач. Использование термина «гибридная война» позволяет отказаться от обсуждения конфликтных событий в зарубежных государствах в системе координат понятия "гражданская война". Это создает

дополнительную возможность для внешнего вмешательства в конфликт. На концептуальном уровне феномен терроризма оказывается включен внутри «гибридных войн». В данном контексте следует заметить, что многие исследователи характеризуют современный терроризм как борьбу «слабых» против «сильных». Терроризм, кроме того, характеризуется наступательностью. Будучи отличен от партизанской войны, терроризм менее зависит от поддержки местного населения, а также способен активно использовать в своих целях инфраструктуру развитых стран [7]. Все эти качества терроризма инсталлируются в концепт «гибридных войн».

Целый ряд характеристик, сопровождающих описание феномена «гибридных войн» в исследованиях американских авторов, позволяет позиционировать данное явление как крайне негативное, способствующее архаизации международных отношений. «Гибридные войны» рассматриваются в качестве оружия акторов, которые не способны выступить напрямую против доминирующей державы и поддерживаемого ею миропорядка и поэтому действуют скрытно. Деструктивный характер «гибридных войн» проявляется в том, что такие войны ведутся не для того, чтобы достичь окончательной победы в интересах больших общностей людей, но для того, чтобы реализовать локальные интересы политических и транснациональных группировок.

Показательно, что в американском политическом дискурсе в ведении «гибридных войн» обвиняются такие государства как Россия, Китай, Иран, а также радикальные исламистские организации, действующие в Африке и на Ближнем Востоке [8]. Проявления «гибридной войны» в стратегии Ирана связываются с поддержкой данным государством действий организации Хезболла на территории Ливана и Сирии. В качестве «гибридной войны» позиционируется политика КНР по продвижению своих интересов в Южно-Китайском море. Россия обвиняется в ведении «гибридной войны» в отношении Украины, переживающей политический кризис, а также в отношении стран Центральной и Восточной Европы, зависящих от российских энергоресурсов. Таким образом, концепция «гибридных войн» позволяет Соединенным Штатам характеризовать определенные, неприемлемые для себя действия усиливающихся государств как агрессию и в том числе на уровне официальных политических заявлений приравнять эти действия к новой форме войны.

Американскими военными теоретиками формулируется идея о необходимости реализации стратегии сдерживания акторов, осуществляющих «гибридные войны». Ответом на войны такого рода должно стать расширение сотрудничества военных и гражданских структур, формирующих национальную мощь США [9]. В качестве важного ресурса противодействия «гибридным войнам» позиционируется НАТО, динамично развивающее внутренние сетевые связи. При этом отмечается, что возможностей Североатлантического альянса для борьбы с «гибридными угрозами» недостаточно. Кооперация с Евросоюзом должна помочь НАТО компенсировать нехватку невоенных инструментов противодействия новым вызовам [10].

Проведенный анализ показывает, что концепции «гибридных войн» присуща значительная пропагандистская составляющая. Если отвлечься от идеологически маркированного дискурса «гибридных войн», то сам по себе указанный феномен можно рассматривать в качестве формы оппонирования односторонней политике державы-гегемона. Государства, которые, с точки зрения американских стратегов, активно ведут «гибридные войны», на практике преимущественно стремятся к защите своих национальных интересов в условиях активизации борьбы Соединенных Штатов за удержание гегемонии. Кроме того, анализ современной международно-политической стратегии «smart power», реализуемой США, показывает, что Соединенные Штаты также активно используют технологии

«гибридных войн» [11]. Данная политика США способствует дальнейшей хаотизации международных отношений. Таким образом, нам представляется, что концепция «гибридных войн» представляет значительный интерес, однако, нуждается в дальнейшей теоретической разработке и критическом осмыслении российским политологическим сообществом.

Источники и литература

- 1) Weitz R. Countering Russia's Hybrid Threats // *Diplomaatia*. - 2014. - №135. URL: <http://www.diplomaatia.ee/en/article/countering-russias-hybrid-threats/>
- 2) Hoffman F.G. Hybrid warfare and challenges // *JFQ/issue 52*, 2009. – P.34 – 39. URL: smallwarsjournal.com/.../jfqhoffman.pdf
- 3) Deep A. Hybrid War: Old Concept, New Techniques // *Small Wars Journal*. – 2015. – 02.03.2015. URL: <http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/hybrid-war-old-concept-new-techniques>
- 4) Kaldor M. In Defence of New <http://www.stabilityjournal.org/article/view/sta.at/41Wars> // *Stability: International Journal of Security and Development*, 2 (1): 4. – P.-16. URL: <http://www.stabilityjournal.org/article/view/sta.at/41>
- 5) Дериглазова Л. Парадокс асимметрии в международном конфликте // *Международные процессы*. – 2005. - Т.3, №3(9). URL: <http://www.intertrends.ru/nineth/007.htm>
- 6) Parameswaran P. Are we prepared for «hybrid warfare»? // *The Diplomat*, 13.02.2015. - <http://thediplomat.com/2015/02/are-we-prepared-for-hybrid-warfare/>
- 7) Щербанова М.А. Понятие «мировая политика» в соотношении со смежными категориями // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2012. - №2. – С.140-150. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2012_2/2012_2_Shebanova.pdf
- 8) Gertz B. Russia, China, Iran waging political warfare, report says // *The Washington Free beacon*, 25.11.2014. URL: <http://freebeacon.com/national-security/russia-china-iran-waging-unconventional-warfare-report-says/>
- 9) Counter-Unconventional Warfare. White Paper, 26.09.2014. – 46 p. URL: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf>
- 10) Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? // *NATO Review magazine*, 2014. – URL: <http://www.nato.int/docu/review/2014/also-in-2014/Deterring-hybrid-warfare/EN/index.htm>
- 11) Чихарев И.А., Столетов О.В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 2013. – №5. – С. 26-43.